

БЕРЁЗКА

Юрий Романов

Берёзка

<https://litres.ru/72948908>

SelfPub; 2026

ISBN 1

Аннотация

Как молоды мы были, как искренне любили! В романе проплывает каждая крупинка воспоминаний детства, юности и отрочества, вызывающие волны волшебных ассоциаций. Учёба в трудные военные и послевоенные годы. Поездка на восток через всю Россию и остров Сахалин. Шторм в Тихом океане и восход солнца накладывают свой отпечаток, формируя признаки зарождающихся чувств. Герои романа встречаются в юности и начинают дружить. Но едва познакомившись, судьба их разводит по разным углам страны. Её отца направляют в секретную часть. Прощаясь, герой рисует её и свой портрет на холсте и дарит ей... Они взрослеют и сильно меняются внешне, так что при встрече не узнают, но влюбляются друг в друга. Целина. Служба в армии. Возвращение в родные края. Неожиданная встреча...

Автор кандидат технических наук. Служил в армии. Прошёл жизненную школу от грузчика до зав. отдела НПО Цветметавтоматика. Был внештатным членом Госкомитета по науке и технике. В 90-е годы работал вице-президентом американской компании.

Содержание

Глава 1. Расширение кругозора	5
Глава 2. За гранью разумного	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Юрий Романов

БЕРЁЗКА

РОМАНОВ ЮРИЙ ЛЕОНИДОВИЧ

БЕРЁЗКА

Глава 1. Расширение кругозора

Я, как и многие дачники Савеловской дороги, жил на даче с мамой, бабушкой и дедом круглый год. О своём отце я ничего не знал, и никто мне о нём не рассказывал. Время было непростое, но мне казалось, что всё в порядке. Дед позволял мне заниматься творчеством и мастерить разные поделки. Он научил меня работать с молотком и гвоздями, и эти навыки пригодились мне позже. Я делал сабли, планеры и парусные макеты, которые потом приносил в детский сад. Там я устраивал с ребятами игры, которые сам придумал.

Однажды, когда у нас на даче ремонтировали печку, работники неожиданно куда-то ушли. Мне понравилось, что они, закончив своё дело, оставили глину и инструменты. Это обстоятельство так вдохновило меня, что из оставшейся глины я соорудил большой танк. Я был доволен своим творением и, не дожидаясь, когда глина высохнет окончательно, покрасил его зелёной краской, изобразив какое-то подобие красной звезды на башне... Дед, пришедший с работы, меня не ругал, а даже похвалил, но танк убрали и больше никогда не подпускали к глине. Возможно, этим подорвав мою тягу к созданию фундаментальных скульптур...

Теперь мама отвозила меня на продлёнку в детский сад, расположенный где-то в районе «Марьиной Рощи» города Москвы. Раз в неделю, по окончании продлёнки, она, будучи

главным бухгалтером «Фабрика кухня», забирала меня на работу, чтобы завершить свои расчёты. Затем, поздно вечером, мы ехали на дачу. Такой распорядок позволял мне кататься на деревянных счетах с «колесиками» по длинному коридору бухгалтерии, не мешая маме заканчивать свои дела...

Однажды в воскресенье к нам пришла учительница, чтобы записать меня в школу, но я, не испытывая никакого желания учиться, спрятался под кровать. Меня старались оттуда выманить, соблазняя тем, что в школе много ребят и девочек, с которыми можно будет играть на переменах. На это я сообщил, что девочки меня вообще не интересуют!..

Подошло первое сентября. На нашей улице таких, как я, набралось пять человек... Нас направили в деревянную одноэтажную школу с большой кирпичной печкой. В моём первом классе «А» мальчишек было намного меньше, чем девочек. А так как впоследствии выяснилось, что я был крепче моих даже старших сверстников (видимо, сказывалась пилюля дров для своей печки на даче), то я часто вместо русского языка занимался непрофильной учёбой.

В этой «Деревяшке», как её величали ученики, существовала странная традиция – перед началом занятий обязательно между школярами должна была происходить драка хлебниковских ребят с шереметьевскими. Побеждённые в драке в последующие дни обязаны были драться за тех, кто их победил. Поскольку я был не из слабеньких, то меня часто, да-

леко перед школой, встречали ребята из младших классов и с криками: «Наших бьют!» — забирали портфель, чтобы я мог быстрее добраться до места драки и успеть поучаствовать в этих странных мальчишеских состязаниях...

Время бежало быстро, и однажды, когда я был уже в восьмом классе, мама, без всяких предисловий, сообщила, что мы через неделю уезжаем к папе...

Девчонки меня по-прежнему не интересовали, но я постоянно что-то рисовал. Видимо, этому способствовало и то обстоятельство, что я в «Деревяшке» сидел на последней парте один. Однажды на бумаге, которой была накрыта моя парта, на одной части я нарисовал морской бой парусных судов, а на другой изобразил бойца в окопе с гранатой против вражеского танка. Как потом сказал учитель по рисованию: «Рисунки очень хорошие, а глаза бойца очень точно и ярко отображают состояние души этого человека». Как ни странно, но меня за эти мои импровизированные «творения» на непрофильном уроке не ругали и не вызвали к директору, а рисунки поместили на какую-то выставку. Через несколько дней после этого происшествия меня пригласили в какую-то студию художников... Но дальнейшим планам не суждено было сбыться. Надо было ехать на Южный Сахалин...

Поездка вызвала во мне большой интерес. Мы ехали в плацкартном вагоне дальнего следования, и я, лёжа на верхней полке, смотрел в окно. Меня очаровывали бесконечные просторы страны: тайга, обрывистые скалы, Байкал, много-

численные тоннели в сопках... И через одиннадцать дней мы добрались и до Владивостока... Соблюдая все установленные в то время правила и санитарные нормы, мы с мамой оказались у пристани Тихого океана на огромном многоэтажном «Крильоне». Я думал, что это судно будет скользить по водной глади, словно конькобежец по льду, лишь иногда передавая палубе размеренные толчки своего корабельного сердца.

Вместе с нами на корабле было очень много вербованных, которые, как и я, с любопытством и восхищением взирали на закат солнца, плавно исчезающего в бескрайних просторах... Океан старался соответствовать своему названию. Но откуда-то ночью пришёл сильный шторм, чтобы испытать нас на прочность и показать Тихий океан во всей красе...

Огромные волны океана бросали этот многоэтажный корабль, как щепку. Из-за любопытства я вышел на палубу. Волны, с огромной бурлящей и пенящейся белой шапкой, шипя медленно нарастали за бортом перед моим восхищённым взором, а корабль быстро проваливался в бездну. Но затем, достигнув низшей точки, начинал медленно набирать силы, подниматься из глубины океана на вершину огромных волн и, достигнув её, корабль замирал на самой вершине на какие-то мгновенья, царствуя над этой разбушевавшейся стихией, с пенящейся, бурлящей седой и грозной поверхностью Тихого и Великого Океана! Этот вид и «его музыкальное оформление» меня завораживали и приводили в неопи-

суемый восторг!.. Неожиданно над кораблём стала нарастать волна, значительно превосходящая прежние. Вокруг кипела серо белая пена на вершинах, закручивающихся мощнейших потоках, голубовато-зелёных водных творений Тихого Океана. Но, достигнув своих прежних размеров, волна всё продолжала расти и вздыматься над кораблём, а корабль продолжал «проваливаться» вниз. Я на неё смотрел, как загнипнотизированный, не в силах пошевелиться от восхищения.

Вдруг кто-то меня сильным рывком рванул за одежду вовнутрь корабля и тут же захлопнул за нами водонепроницаемую дверь. Волна с такой силой ударила по стене и двери, что корабль содрогнулся всем корпусом!

– Считай, что ты второй родился! – произнёс коренастый матрос с приветливой улыбкой. – Будем знакомы, Сергей.

– Серж, – произнёс я, ещё не осознавая, что случилось.

– Ну, привет, тёзка! Ещё б мгновенье, и ты отправился бы на завтрак океанским обитателям. Это волна – убийца! Она возникает неожиданно. Я тоже с ней познакомился, когда салагой пришёл служить на Тихоокеанский флот...

На следующий день «Тихий Океан», успокоившись, как ни в чём не бывало, продолжил медленно нести свои уже умиротворённые волны. Небо было ясное, и создавалось впечатление, что океан с ним слился в поцелуе. Какой-то парень, встав на корабельную возвышенность, произнёс:

— Смотрите! Смотрите, контуры Японии на горизонте появились! — все, кто был на палубе и услышал это посла-

ние, стали смотреть в сторону, куда сообщивший указывал рукой, а солнце оповещало о начале новой жизни!

Через день тот же любознательный парень, указав на плывущих за нашим «Крильоном» касаток, сообщил: «Значит, скоро прибудем в порт Корсаков». Его прогноз оправдался, и, предъявив необходимые документы, мы с мамой сели в нужный транспорт. Через какое-то время пассажиры засуетились и со словами «Тайхара», «Тайхара» направились к выходу. Мы последовали за ними.

В Южно-Сахалинске нас встречал высокий майор с орденами. Оказалось, это и был мой папа!

Нас поселили в одном из трёхэтажных деревянных домов рядом с привокзальной площадью, куда я впоследствии частенько бегал за углём для нашей чугунной печки, стоявшей посреди огромной кухни. Здесь многое вокруг меня было новым и необычным – даже окна открывались вверх, а не как у нас на даче. Помещение, по сравнению с домом в Хлебниково, было очень просторным.

В соседнем доме, в отличие от нашего, была большая терраса, где постоянно собиралась большая ватага мальчишек из близлежащих домов. Несколько мальчишек были немного младше меня, но в основном такого же возраста, чтобы во что-нибудь поиграть. Я быстро познакомился с ребятами. Они показали мне бильярдный стол средних размеров, с зелёным сукном, но немного потёртым в нескольких местах. Такой стол я видел впервые и рассказал о нём папе. Через

некоторое время он, раздобыв где-то один бильярдный кий и шарики, подарил их мне. Это был большой подарок для всех мальчишек.

Через некоторое время мальчишек стало приходить ещё больше. Одни приходили, чтобы поиграть в бильярд командами, передавая единственный кий по кругу, а другие — чтобы посмотреть на бильярд и на эту новую для них игру.

И вот однажды пришла очень стройная девочка с голубыми бантиками в косичках, и я сразу почему-то её приметил, чего раньше со мной не случалось. Мы быстро с ней подружились. Звали её Жасмин. Папа у неё тоже оказался военным. Что сближало наши взгляды. Это была очень стройная, красивая, весёлая, приветливая, начитанная, рассудительная и отзывчивая девчонка. Жасмин часто нам, ребятам, рассказывала различные истории из прочитанных ею книг. После её рассказов я однажды попросил папу принести мне какую-нибудь интересную книгу. Через некоторое время он подарил мне «Порт-Артур» и несколько произведений Бальзака...

Но всё хорошее, как говорят взрослые, всегда заканчивается невовремя. Однажды Жасмин пришла грустная и сообщила мне, что завтра они уезжают, так как папу куда-то переводят. Её тихо произнесённые слова меня очень расстроили. На следующий день я сделал ей подарок. На большом портрете она улыбалась, а мои грустные глаза, отражённые в нашем трюмо, смотрели прямо на неё.

Через некоторое время моего папу тоже перевели в другую часть, и свою учёбу я уже продолжил на Северном Сахалине – в городе Смирных. Там папа познакомил меня с художником нашей воинской части – Дурициным, который научил пользоваться масляными красками и показал некоторые приёмы художников.

Время шло, и как-то раз в очередном письме бабушка сообщила, что дедушка заболел и ему сделали операцию. На этом основании папа попросил перевод... Его просьба была удовлетворена, и уже к новому учебному году мы прибыли домой в Хлебниково.

Старое здание деревяшки к тому времени уже снесли, а на его месте красовалась четырёхэтажная кирпичная школа. По прибытию меня сразу определили в десятый «А» класс, видимо, памятуя, что раньше (в бывшей школе-деревяшке, ещё в младших классах) я учился тоже в «А». Все в этом прежнем классе как-то повзрослели, и я, кроме нескольких парней, не узнал никого. Это были мои знакомые, которых, в соответствии с тогдашней местной странной традицией младших классов, когда-то лихо колотил. В этой школе я скоро подружился с Олегом Цукановым из нашего класса. Он немного заикался, но был интересный и верный товарищ.

Из девчонок я вообще не узнал никого. Они, изменив причёски, сильно повзрослели. Стали более привлекательными, но одна из них, шатенка, была особенно хороша! Она внешне на порядок превосходила других. Плюс великолепная фи-

гурка и большие ярко-синие глаза на прекрасном загорелом лице...

Как позднее поведал мне старый знакомый Юлий Швец: «Это Берёзка — фамилия такая! Она из нашего класса и только одним своим внешним видом и манерой держаться сводит парней с ума... Одним словом, как в том легендарном фильме — отличница, комсомолка, спортсменка, да и просто красавица! Наши парни поголовно в неё влюблены! Да и не только нашей школы, но и соседних школ области. Особенно настойчиво и открыто волокутся влюбленные — Пелёнкин с Матковским из нашего класса и Пильчин с Валуевым из десятого «Б». Хотя в принципе эти парни, в общем, ничего, ... но уж слишком заносчивые».

Юлий рассказал мне, что в нашей школе девочки почему-то прозвали меня Аленом Делоном. Я не обиделся, потому что тогда ничего о нём не знал. Да и называли они меня так только между собой.

Юлий Швец жил рядом с моим домом, поэтому по пути в школу часто заходил за мной. Он собирал комсомольские взносы и, видимо, знал все школьные сплетни. Юлий не был любителем досужих разговоров, но часто упоминал о любви других ребят к Берёзке. Создавалось впечатление, что и сам он равнодушен к ней.

Однажды я спросил Юлия:

– Откуда ты решил, что почти все парни в нашей школе влюблены в Берёзку?

– Да у них же у всех её фотография в комсомольском билете!

– Но вот, например, у меня и у тебя фотографии ведь нет!

– Ну, Серж, ты меня недооцениваешь, – и, раскрыв свой комсомольский билет, показал её фотку...

Я тоже был к ней неравнодушен, но скрывал чувства даже от себя, боясь утонуть в море влюблённых. При редких встречах я старался держаться спокойно. Честно говоря, это было непросто, и каждый раз я боялся, что мои глаза выдадут мои чувства.

Однажды она, проходя мимо меня, быстро вручила мне какую-то бумажку. Я весь напрягся, но, раскрыв записку, увидел какие-то закорючки. Сообразив, что это какое-то зашифрованное послание, через некоторое время я, сильно озабоченный содержанием записки, сам попросил Берёзку написать ещё что-нибудь. Она написала и также скрытно передала мне. Опять для меня это были какие-то каракули...

Прошло время. Как-то перед майскими праздниками ко мне подошёл Геша Сотников:

– Привет, Серж! Мы с моей Лилей решили съездить на ВДНХ, так сказать, на открытие летнего сезона. Не составишь ли ты нам компанию?

– А что... Погода отменная – согласен и спасибо за приглашение! Лиле привет!

– Тогда встречаемся послезавтра на Савеловском вокзале ровно в одиннадцать...

Чтобы не оказаться одному, мне удалось встретиться и переговорить с моим двоюродным братом Анатолием. Согласно договорённости, мы с ним в назначенное время уже стояли на Савеловском, внимательно вглядываясь в прохожих. Вдруг за спиной я услышал голос Геши:

– Серж, привет! Рад тебя видеть! – мы повернулись.

От увиденного я опешил, передо мной стояла ОНА – Березка и Гоша с Лилей. Несколько секунд я молчал, а затем, поздоровавшись, представил брата...

По выставке я ходил каким-то заторможенным, но при расставании Берёзка незаметно сунула мне в руку новую записку.

Дома, разложив на столе записки и анализируя обстановку, время, события и слова, сказанные ею в мой адрес, я пытался понять, как они могут быть связаны с посланиями и помочь расшифровать её шифровки. Вдруг, разгадав несколько букв, я понял смысл последней зашифрованной записки – «МАЗИЛА».

Глава 2. За гранью разумного

Как говорится, всему своё время. Для нас настало время изучать технику танца, а не просто двигаться в одиночку или группой, изображая безумца. С возрастом парный танец становится более интимным и позволяет делиться личными мыслями, не привлекая посторонних ушей. Эту благородную миссию неожиданно взяли на себя соседские девушки, которые были старше нас. Я узнал о бесплатных «курсах» от своих друзей, с которыми дружил с детства. После седьмого класса они пошли в профтехучилища, но иногда заходили ко мне. Однажды они пришли и уговорили меня присоединиться к ним.

Через дом от меня жила тётя Маруся с дочкой Лидой. У Лиды было много подружек, старый патефон и много довоенных пластинок. Удивительно, но к ним и их музыке на террасу тянулась молодёжь из соседних домов. Улица сразу оживилась. На эти воскресные танцы стали приходить даже девушки из Москвы. Меня они не интересовали, но мои друзья, с которыми я постоянно общался, сильно увлеклись одной из них. Её звали Рая.

После нескольких уроков Лиды я освоил основные движения и прекратил посещать эти курсы, полностью погрузившись в живопись.

В одно из воскресений на мою террасу пришли друзья с

патефоном. Они попросили разрешения «приютить» их на время. Оказалось, у тётки Маруси только что покрасили террасу, и сильный запах краски не позволял там танцевать, а одежду можно было испортить. Вскоре пришли Лида, дочь тётки Маруси, и Рая.

Светловолосая девушка с короткой стрижкой была очень привлекательной. У нее была отличная фигура и хорошие манеры. Она прекрасно танцевала, и от парней не было отбоя. Среди других девушек она выделялась, и к ней выстраивалась большая очередь. Я не танцевал, потому что заканчивал картину «Последний день Помпеи».

Лида подошла ко мне и спросила:

— Серж, почему ты не танцуешь?

Я ответил, что должен закончить картину.

— А я бы на твоём месте Раю у ребят отбила! — добавила она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.